

Пань Фань слово в слово передал всё, о чём договорились на стороне лагеря Вэй. Сюй Хуан согласился вместе с армией У взять Гуань Юя в клещи, но было одно условие: Юй Цзинь должен быть возвращен в лагерь Вэй.

— Это дело довольно щекотливое.

Пань Чжан нахмурился, погрузившись в раздумья. Юй Цзинь действительно был захвачен им в момент всеобщей суматохи, однако в данный момент этого человека у него попросту не было. Тогда, стремясь выслужиться и продемонстрировать свои заслуги, он первым делом преподнес Юй Цзиня Люй Мэну, а Люй Мэн, в свою очередь, переправил пленника в Цзяндун.

Юй Цзинь — Левый генерал Цао Вэй, его статус говорит сам за себя. Заполучить столь значимую персону, пусть даже подобрав её в качестве добычи, упущенной Гуань Юем, — для Люй Мэна и Пань Чжана это величайшая заслуга. Именно поэтому они спешно отправили Юй Цзиня в Цзянье, чтобы получить награду от Сунь Цюаня.

— Эй, кто там! Напишите письмо Великому главнокомандующему. Пусть он принимает решение по этому вопросу.

У Пань Чжана не оставалось иного выхода, кроме как перекинуть условие Сюй Хуана на откуп Люй Мэну, предоставив тому право окончательного решения.

В районе горы Чжаншань временно установилось затишье.

Войско под началом Гуань Пиня, если говорить начистоту, представляло собой лишь отряд для создания видимости. Лагерь пестрел густо расставленными знаменами, создавая впечатление внушительной мощи, но реальная численность бойцов едва переваливала за тысячу.

Гуань Пинь прекрасно это понимал: с его силами, если дело дойдет до настоящего боя, воины Цзинчжоу, какими бы искусными бойцами они ни были, не смогут противостоять трем тысячам воинов Восточного У под командованием Пань Чжана.

И уж тем более не стоило забывать, что в направлении Даньяна затаилась десятитысячная армия Вэй во главе с Сюй Хуаном, которая зорко следила за происходящим.

Поэтому Гуань Пинь лишь изредка приказывал переодевать воинов в Гуань Юя и Чжоу Цзана, чтобы те маячили в лагере, создавая видимость присутствия главных сил во главе с самим Гуань Юем и пугая армию У. Идти же штурмом на лагерь у горы Чжаншань он не смел.

В это самое время Гуань Юй во главе своего войска под покровом ночи совершал стремительный бросок к Цзяньцзиню.

Захватить корабли, двинуться вниз по течению и на всех парусах устремиться к порту Гунъань.

Гуань Юй стоял на боевом судове, прищутив глаза до узких щелок.

— Этот предатель Ми Фан сегодня непременно заплатит за всё своей жизнью.

Он жаждал смыть кровью Ми Фана позор своего поражения под Майчэном.

Одно трехъярусное судно, три больших военных корабля с гребцами и несколько десятков мелких лодок под покровом ночи вплотную подошли к порту Гунъань.

Порт Гунъань, прежде ночивший имя Юйцзянкоу, располагался в месте впадения реки Юйцзян в реку Янцзы. В своё время, после захвата Цзиннани, Лю Бэй размещал здесь войска, а также переименовал это место в Гунъань и возвел водный лагерь.

Внутри водного лагеря Фу Шижэнь и Ми Фан сидели в шатре и распивали вино.

Фу Шижэнь беспрестанно вздыхал, его лицо было мрачнее тучи. Даже несмотря на то, что под его началом всё ещё оставалось десять тысяч воинов, на душе у него было тревожно.

Лицо Ми Фана покраснело от выпитого, было очевидно, что он пьян. Он бросил косой взгляд на Фу Шижэня, и язык у него заплетался:

— У меня... четверо сыновей погибли от рук этого ублюдка. Мы с Гуань Юем непримиримы. Шижэнь, неужто ты и вправду надеешься, что этот старый хрыч пощадит нас двоих?

Уголки ртов Фу Шижэня дернулись, улыбка не получилась.

Он понимал лучше кого бы то ни было: если Ми Фан сейчас покается и падет на колени перед Гуань Юем, моля о пощаде, то ради бывшего авторитета Лю Бэя ему, пожалуй, удастся сохранить жизнь.

Но что насчет него самого?

В его руках оказались потеряны округа Улин и Линлин.

Нрав Гуань Юя таков, что он одинаково строго подходит и к государственным делам, и к личным счетам — он в любом случае не помилует его.

— Пей давай, брат Цзыфан, сегодня напьемся до беспамятства.

У обоих на душе скребли кошки, они опрокидывали пиалу за пиалой, пока их глаза не остекленели от хмеля, после чего оба рухнули на столы и захрапели мертвецким сном.

Несколько маленьких лодок, прижимаясь к самому краю водного лагеря, проскользнули внутрь.

Часовые в лагере давно клевали носами от усталости и вовсе не заметили никакого движения на воде.

— Вжух! —

Железная кошка взмыла в воздух и намертво вцепилась в деревянные колья лагерных ворот. Больше тридцати воинов Цзинчжоу ловко взобрались по канатам наверх.

Кто-то нащупал воровочный ворот и слегка повернул его.

— Скрип... —

Ворот издал резкий, неприятный звук.

Во главе отряда шел военный цюйши Чэнь Чжао, его лицо помрачнело. От такого шума обитатели лагеря непременно проснутся. Не став больше таиться, он сжал зубы и рывкнул:

— Плевать на всё, крутите изо всех сил, мать вашу!

Бросив оружие, он вцепился обеими руками в ворот и изо всех сил потянул на себя.

— Кто здесь?! —

— Нападение на лагерь! На лагерь напали! —

— Черт побери, враги! —

Мятежники в лагере наконец опомнились и, сжимая оружие, с воплями бросились в эту сторону.

— Я займусь ими! —

Крупный, черноволосый и крепкий мужик оттолкнул похожего на тощую мартышку солдата, влил всю силу в руки, и ворот со скрипом начал поддаваться. Чэнь Чжао подхватил с земли меч и встал у него за спиной, защищая.

— Черныш, ты только открывай ворота, а с тыла я прикрою.

Один удар мечом — и вырвавшийся вперед мятежник рухнул на землю замертво.

Черныш стиснул зубы, на его лбу вздулись вены, и ворот закрутился быстрее.

— Хлюп! —

Воин Цзинчжоу срубил преградившего путь мятежника, но его собственную грудь насквозь пронзили два длинных копья, и фонтан крови взметнулся на три чи в высоту.

— В атаку! —

Воинов Цзинчжоу было мало, и казалось, что они вот-вот не выдержат.

Однако ворота наконец отворились.

— Вперед! —

Первыми в водный лагерь ворвались цзинчжоуские лодки, что поджидали снаружи, следом за ними хлынули большие военные корабли с гребцами и трехъярусные суда — черной тучей они заполнили пространство.

— Руби их! —

Гуань Юй единым прыжком соскочил с палубы трехъярусного судна, и в тот самый момент, когда конь Читы копытами коснулся земли, лунный свет озарил его лицо, ставшее багровым, словно раскаленный уголь.

Взмах Меча Зеленого Дракона, Срубающего Луну — и двоих мятежников разручило надвое.

Бывший господин выглядел так, будто он спустился с небес, и большинство мятежников от страха едва не лишились ног, выронив оружие из рук.

Впрочем, попадались и отчаянные.

Небольшая кучка сбилась в кучу и продолжала сопротивляться. Увы, лишённые единого командования, они очень скоро легли в лужах крови.

— Генерал! Беда! —

Полог шатра со злостью откинули, и личный стражник бросился к ложу, бледный как полотно.

— Генерал, очнитесь! Гуань Юй напал!

— Генерал... Генерал... —

В шатре стоял густой запах алкоголя, Ми Фан и Фу Шижэнь пластом лежали на полу, оглашая окрестности раскатистым храпом. Стражник кричал добрую минуту, но те даже не пошевелили веками.

Стражник замер, глядя на эти две пьяные лужи, и сердце его окончательно остыло.

Один из военных цюйши на поясе сжимал рукоять меча так, что зубы скрипели:

— Именно эти две собачьи морды предали генерала Гуаня. Теперь ситуация такова, что мы можем просто связать их, притащить к генералу Гуаню и испросить награду за заслуги!

Окружающие переглянулись и замерли.

Какой-то молодой командир по привычке замахал руками:

— Не глупите, нас же всех поднял генерал Фу... —

Он не успел договорить.

— Хлюп! —

Три меча одновременно вонзились ему в грудь.

Молодой офицер опустил взгляд на острия, проткнувшие его тело, изо рта у него пошла кровавая пена, в глазах застыло полное недоумение, и он рухнул лицом вниз.

Кровь залила землю.

Десятисоцкий, возглавивший расправу, сплюнул на труп:

— Хочешь составить компанию этим двоим предателям — не тащи нас за собой на смерть.

Больше никто не проронил ни слова. В шатре воцарилась тишина, нарушаемая лишь доносившимся издалека топотом копыт.

— Плюх! —

Ушат ледяной воды окатил головы Ми Фана и Фу Шижэня.

Ми Фан осоловело замотал головой, из его рта пахнуло перегаром, он тупо уставился перед собой и громко икнул:

— Э-э... перебрал... мерещится всякое... —

Туда, куда он смотрел, восседал Гуань Юй с абсолютно беспристрастным выражением лица.

Фу Шижэнь пришел в себя быстрее Ми Фана: от ледяной воды хмель выветрился у него наполовину. Подняв голову, он столкнулся взглядом с холодными, немигающими глазами Гуань Юя, а покосившись вбок, увидел Чжоу Цзана с Мечом Зеленого Дракона, лезвие которого отсвечивало леденящим блеском.

По спине Фу Шижэня мгновенно выступил пот, и с глухим стуком он рухнул на колени, прижавшись лбом к земле:

— Гос... государь-маркиз... —

Увидев, что Фу Шижэнь пал ниц, Ми Фан со своей затуманенной головой протянул руку и толкнул его:

— Ты чего на колени упал... —

В итоге ноги у него подогнулись, он потерял равновесие и кубарем полетел прямо на стоявший рядом жаровенный таз с углями.

— А-а! Обжегся! —

Раскаленные угли обожгли ему лицо, в воздухе запахло паленой плотью, и от дикой боли Ми Фан завопил так, что протрезвел окончательно. Повернув голову, он отчетливо разглядел обстановку в шатре: сурового Гуань Юя, Чжоу Цзана, держащегося за рукоять оружия, и кольцо командиров вокруг, взгляды которых так и норовили разорвать его на куски.

Ми Фан закатил глаза и снова лишился чувств.

— Плюх! —

И снова ушат ледяной воды.

Ми Фан очнулся, но не успел прийти в себя, как один из командиров подскочил и с размаху

врезал ему сапогом в плечо, опрокидывая ниц:

— Встань на колени как положено! —

Глаза этого офицера были налиты кровью: некогда он отказался следовать за Ми Фаном в предательстве Восточного У, за что тот лишил его полномочий и бросил в темницу, где он чуть не умер голодной смертью. Эту обиду он затаил глубоко в сердце.

Стоя на коленях, Ми Фан дрожал всем телом, лихорадочно соображая. Он прекрасно понимал, что кончен человек и иного пути у него нет.

Подняв голову, он скорчил жалкую плаксивую гримасу:

— Государь-маркиз, умоляю, ради вана Ханьчжуна, пощадите мою собачью жизнь... —

Гуань Юй восседал на возвышении, пальцы его легко постукивали по подлокотнику, а голос звучал ровно, без единой нотки эмоций:

— Когда ты предал Цзинчжоу и сдавался Восточному У, почему-то о вана Ханьчжуна ты не вспоминал?

Лицо Ми Фана окаменело.

Он разинул рот, из глаз градом полились слёзы:

— Я... я осознал свою ошибку... Государь-маркиз, умоляю, вспомните о моих прежних заслугах, помилуйте меня на этот раз... —

Стоявший рядом Фу Шижэнь тоже завыл в голос.

В тот миг шатер наполнился надрывными рыданиями двух взрослых мужиков.

Гуань Юй хмыкнул и острием меча уперся в пол:

— С вашими-то наклонностями — пачкать мой меч вашими головами только зорно.

Лицо Ван Фу переменилось, и он поспешно выступил вперед:

— Государь-маркиз, эти две собачьи морды предали Цзинчжоу, смерти их мало хоть миллион раз, их нельзя щадить ни в коем случае!

Остальные командиры, которых Ми Фан некогда упек в темницы, и переметнувшиеся обратно старые соратники дружно поддержали его, требуя, чтобы Гуань Юй немедленно снес головы Ми Фану и Фу Шижэню.

Гуань Юй нахмурился, бросил взгляд на побелевших от страха Ми Фана и Фу Шижэня, обвел глазами жаждущую расправы толпу и сомкнул веки.

— Выволочь и казнить. Фу Шижэня закопать на месте. Голову Ми Фана вместе с перечнем его преступлений отправить в Чэнду.

Услышав это, лица Ми Фана и Фу Шижэня окончательно посерели.

— Гуань Юньчан, я старый слуга вана Ханьчжуна, ты не имеешь права меня трогать!

— Генерал Гуань, я виноват, дайте еще шанс, генерале...

— Я родственник вана Ханьчжуна, кто смеет меня убить... —

Захватив логово Ми Фана и Фу Шижэня, Гуань Юй без особых хлопот вернул водный лагерь Гунъань и заодно привел к покорности восемь тысяч мятежных солдат. Однако в этот момент Люй Мэн, стоявший лагерем в Цзиньсяне, оставался в полном неведении.

Люй Мэн всё еще полагал, что основные силы Гуань Юя находятся у горы Чжаншань, и как раз размышлял над тем, как бы воспользоваться моментом, выступить из Цзиньсяна и отбить Цзянлин.

<http://bllate.org/book/19344/1891703>